

В словах Суфэнь действительно был смысл. Если эта вещь собиралась вредить, по логике она должна была проявить себя сразу. Зачем ждать несколько месяцев?

Значит, за это время обязательно что-то произошло и привело к нынешним последствиям.

Рядом двоюродный брат Суфэнь дымил сигаретой и стряхивал пепел. Ни Ци Гу, ни Линь Ханьчжи не курили и запаха не переносили, поэтому оба немного отошли. Но брат, наоборот, всё норовил приблизиться и снова и снова предлагал:

— Мастера, точно по одной не хотите? У меня сигареты не из дешёвых...

Услышав это, Ци Гу опустил взгляд и действительно увидел на пачке крупные иероглифы «Чжунхуа».

Сам Ци Гу не курил, но знал: для крестьянина из бедной местности такая пачка сигарет — вещь, которую обычно удаётся получить разве что на свадебном банкете, урвав со стола, да и то лишь если рядом не сидит старший родственник, которому полагается уступить.

Неужели двоюродный брат Суфэнь был довольно обеспеченным человеком?

Подумав об этом, Ци Гу обменялся взглядом с Линь Ханьчжи.

Линь Ханьчжи шагнул вперёд, взял снова протянутую сигарету, зажёг её между белыми длинными пальцами, поднёс фильтр к губам и сделал вид, будто несколько раз затянулся. Потом просто опустил руку и позволил сигарете самой тлеть, мерцая красным огоньком.

— Хорошие сигареты, — похвалил он, изо всех сил подавляя желание закашляться.

— Ха-ха-ха! Нравятся — ещё попросишь! — Получив похвалу, загорелое тёмно-красное лицо деревенского мужчины покраснело ещё сильнее. Он явно был доволен.

— А вы, мастера, откуда? Раньше с такими случаями сталкивались? Как думаете, с мужем моей сестры... надежда ещё есть? — решив, что уже наладил отношения с Линь Ханьчжи, осторожно выводил мужчина.

Линь Ханьчжи ответил:

— Ну, я-то всего лишь новичок. Тут наш мастер Ци должен сам всё посмотреть, только потом можно делать выводы. А мастер Ци у нас невероятный...

И дальше он принялся нахваливать Ци Гу так безудержно и беспорядочно, будто древний

чиновник сочинял доклад императору исключительно ради лести. Выходило настолько преувеличенно, что любой слушатель решил бы: эти двое «мастеров» явно какие-то мошенники.

Выслушав его, двоюродный брат Суфэнь заулыбался ещё шире:

— Ну, если так, тогда нам и правда надо как следует вас поблагодарить.

Суфэнь не могла вставить ни слова и лишь стояла рядом, без конца повторяя:

— Спасибо, спасибо.

Выйдя с вокзала, четверо направились вдоль асфальтовой дороги к стоянке под всё ещё обжигающим сентябрьским солнцем этого маленького города.

Бледное лицо Линь Ханьчжи от жары слегка покраснело. Ци Гу испугался, что тот получит тепловой удар, достал из тыквы пилюлю и дал ему для профилактики.

Линь Ханьчжи поморщился от горечи, и тогда Ци Гу вдобавок сунул ему в ладонь молочную конфету.

Машиной двоюродного брата Суфэнь оказался совершенно новый моторный трицикл. Над задним кузовом сделали навес, по обе стороны установили ряды металлических сидений, а сзади болтались две верёвки. Видимо, мужчина купил его для перевозки пассажиров. Во многие дальние деревни из уездного города не ходили прямые автобусы, а пешком добираться было слишком далеко, поэтому некоторые переделывали такие трициклы под пассажирские и брали по два-три юаня с человека за поездку. Людям удобно, да и владельцу небольшой заработок.

Только этот трицикл выглядел уж слишком новым.

Линь Ханьчжи сам спросил:

— Новая машина? Должно быть, недешёвая.

— Всё вместе почти десять тысяч вышло. Но сделаю побольше рейсов — и отобью, — с нескрываемой гордостью ответил мужчина.

Суфэнь стояла рядом и заискивающе улыбалась: благодарила брата за то, что согласился встретить гостей, хвалила его за способности и за то, что сумел накопить на машину.

Говорить красиво она не умела, но жизнь среди соседей и родственников всё же научила её простым правилам человеческих отношений.

Трицикл с громким «ту-ту-ту» выехал на дорогу. Ци Гу и Линь Ханьчжи сели на одну сторону, Суфэнь — одна напротив.

Разумеется, эта машина не могла сравниться с плавным ходом дорогих автомобилей. Стоило колесу попасть на камень, как всё начинало трястись и раскачиваться, словно они ехали на аттракционе с машинками.

Сидевшим на одной длинной скамье Ци Гу и Линь Ханьчжи тоже приходилось то и дело сталкиваться и прижиматься друг к другу — словно два моти, брошенных в миску с соевой мукой и перемешиваемых вместе: то ты на меня налетишь, то я тебя прижму.

Линь Ханьчжи, конечно, мог сидеть устойчиво, но быстро обнаружил в этих столкновениях определённое удовольствие и перестал напрягать тело. Просто отдался качке и вместе с Ци Гу мотался из стороны в сторону.

Каждый раз, слегка сталкиваясь, они встречались взглядами и оба беспомощно улыбались.

А Ци Гу после каждого удара обязательно спрашивал:

— Ты в порядке?

Будто Линь Ханьчжи был нежным кусочком тофу, который развалится от одного прикосновения.

Линь Ханьчжи: «...»

Вот же проклятый образ болезненного слабачка.

Через час трицикл наконец добрался из городка до деревни. Двоюродный брат Суфэнь остановился на пустыре у въезда, и вокруг почти сразу собрались любопытные.

В деревне мало кто мог позволить себе трицикл, и взгляды соседей делали мужчину всё довольнее.

Насладившись вниманием, он сказал, что у него ещё есть дела, снова завёл машину и, покачиваясь, уехал.

Стоило ему скрыться, как разговоры односельчан сразу стали куда разнообразнее.

— Наверное, опять поехал всем своей машиной глаза мозолить.

— И откуда у Хуан Голяна деньги взялись? С его-то привычкой целыми днями бездельничать... неужели и правда сумел накопить почти десять тысяч?

— Может, опять в азартные игры полез? В прошлый раз ведь люди прямо к дому пришли долг выбивать. Говорили: не вернёшь — руку отрубим.

— А тот долг он потом как отдал?

— Да кто его знает. Машину он тоже зря купил: нормально пассажиров почти не возит, всё ездит туда-сюда и хвастается.

...

Жители говорили на местном диалекте. К счастью, он здесь был не слишком трудным, и Ци Гу кое-как всё понимал.

Суфэнь молча шла впереди и не обращала внимания на тычущие в неё пальцы и шёпот соседей.

Все в деревне знали, что её муж тяжело заболел. Сочувствие на словах звучало, но лишь как тема для праздной беседы — по-настоящему её боль никого не волновала.

За последние дни Суфэнь столько раз слышала подобное, что уже онемела внутри.

Ци Гу спросил, знает ли она, с какого времени её брат Хуан Голян вдруг начал водиться с деньгами.

Суфэнь подумала и сказала, что примерно неделю назад.

Вскоре трое дошли до дома Суфэнь. За дверью, как и ожидалось, царила полная бедность. Её муж Хуан Аньдао лежал на сером матрасе с землисто-бледным лицом. Увидев гостей, он уже не мог говорить, только сипло втягивал воздух: «хэ-хэ», словно перегруженные мехи.

Лицо Хуан Аньдао обвивала чёрная ци, а всё его тело окутывал чёрный туман, поднимавшийся от доски под ним.

На теле тянулась чёрная нить, указывая в ту сторону, откуда только что пришли Ци Гу и остальные.

Если ничего неожиданного, эта нить соответствовала той, что была на двоюродном брате Суфэнь — Хуан Голяне.

Ци Гу обошёл комнату, убедился, что других проблем нет, и сказал:

— Сначала перенесите его с этой кровати.

Их было трое, так что переложить Хуан Аньдао оказалось легко. Ци Гу ухватился за матрас и откинул его, открывая две состыкованные доски. Одна выглядела относительно новой, другая была старой и серой, уже начинала гнить и страдала от жучков.

Со старой всё было нормально. Чёрный туман исходил из новой.

— Это та самая доска, которую вы недавно нашли? — спросил Ци Гу, указывая на кусок дерева, который явно заново обрезали и покрыли лаком.

Суфэнь торопливо закивала:

— Да, да... С ней что-то не так?

Ци Гу обошёл доску, поднял её и, как ожидал, увидел на стороне, обращённой к кровати, две строки мелких иероглифов традиционного письма. В первой были записаны восемь знаков рождения некоего человека, а во второй — знакомое имя: Хуан Аньдао.

— Это заново обработанная доска от гроба, — спокойно сказал Ци Гу.

Суфэнь отшатнулась от испуга и уставилась на него с ужасом и недоверием.

— Похоже, кто-то знал, что вы привыкли экономить, поэтому специально положил эту гробовую доску на дороге, по которой вы с мужем обязательно проходите. Проследил, как вы забрали её домой, а потом тайком пробрался к вам и записал на ней восемь знаков рождения вашего мужа, чтобы доска могла точно забрать именно его жизнь.

— Как... как такое возможно? Мой муж всегда был добрым человеком, никогда ни с кем не ссорился. Зачем кому-то желать ему смерти? — голос Суфэнь дрожал.

— Вредить человеку могут не только ради его смерти. Иногда ради денег, — сказал Ци Гу. — Если спать на гробовой доске, можно впитывать гробовую ци и обогащаться. Но чем больше гробовой ци человек получает, тем сильнее сокращается его срок жизни и тем ближе он к Подземному миру.

Деревня маленькая. Кто недавно внезапно разбогател — и так очевидно. Суфэнь уже поверила наполовину, но всё равно не понимала: гробовую ци впитывал её муж, а деньги почему-то получал двоюродный брат.

— Мастер, а сейчас... моего мужа ещё можно спасти? — в глазах Суфэнь стояли слёзы, крупными каплями катившиеся по щекам. От волнения слова выходили с трудом.

А лежавший на другой кровати Хуан Аньдао тоже торопливо сипел «хэ-хэ», явно вспомнил что-то и пытался заговорить.

Ци Гу похлопал Суфэнь по плечу и уверенно сказал:

— Не волнуйтесь.

Эти слова подействовали лучше любой чудесной пилюли. Сердце Суфэнь, едва не выскакивавшее из груди, наконец послушно опустилось на место.

Затем Ци Гу подошёл к всё ещё пытавшемуся заговорить Хуан Аньдао и ровным тоном спросил:

— Я знаю, что вы хотите сказать. Он когда-нибудь подводил вас к обещанию вроде: если вам повезёт, вы обязательно поделитесь с ним? Или заставлял сделать что-то похожее?

Хуан Аньдао без конца кивал, а в глазах читались мучительное сожаление и боль.

Кто станет всерьёз воспринимать брошенное между делом обещание или шуточную расписку? Между друзьями ведь постоянно рисуют друг другу воздушные замки: «разбогатею — тебя не забуду» и всё такое. Но кто же знал, что при определённых условиях подобные обещания действительно способны исполниться?

Раньше Ци Гу уже встречал двух соседей по парте. Они прекрасно дружили: один был двоечником, другой отличником, но это совершенно не мешало им постоянно проводить время вместе. Перед одним экзаменом двоечник шутя спросил, не одолжит ли отличник ему немного баллов. Тот так же небрежно согласился.

И в тот день посреди экзамена совершенно здоровый отличник вдруг почувствовал себя плохо и потерял сознание. Его результат оказался больше чем на сто баллов ниже обычных пробных экзаменов. А двоечник, наоборот, внезапно написал намного лучше — ровно на столько же баллов, сколько потерял его товарищ.

На втором экзамене всё повторилось.

Отличник почувствовал неладное, семья расспросила знакомых и нашла Ци Гу. Только тогда

проблему удалось решить.

Обычно для заимствования удачи одного устного обещания недостаточно: нужен более глубокий договор, например талисман. Но встречаются люди с особыми восемью знаками рождения, на которых может повлиять даже такое согласие.

К счастью, восемь знаков Хуан Аньдао были самыми обычными и к особым не относились. Значит, Хуан Голян, скорее всего, применил талисман или нечто подобное и забрал себе богатство, которое Хуан Аньдао получил в обмен на собственную жизнь.

Но откуда обычный деревенский мужчина узнал такой оккультный способ? Или ему кто-то подсказал?

Если верно второе, дело становилось серьёзнее.

Раз человек мог научить одного, мог научить второго, третьего... сотого. Если такое злое искусство широко распространится, общественный порядок рухнет: дела об убийствах будут повсюду.

Подумав об этом, Ци Гу стал ещё холоднее и посмотрел на Линь Ханьчжи.

— Сначала приведём сюда этого Хуан Голяна и расспросим. Он любит азартные игры, правды из него просто так не вытащишь. Придётся придумать, как его обмануть.

Талантом к актёрской игре Ци Гу не отличался, поэтому эта задача естественным образом досталась Линь Ханьчжи.

Суфэнь отвела Линь Ханьчжи к дому Хуан Голяна, и они стали ждать. Тот вернулся лишь к вечеру, пьяный в стельку среди бела дня, с пачкой наличных в руке. Увидев Суфэнь, он вдруг запаниковал, даже на миг протрезвел и поспешно спрятал деньги за спину.

Суфэнь помнила указания двух мастеров. Она изо всех сил сдержалась и сделала вид, будто ничего не заметила. Мягко спросила, сможет ли Хуан Голян вечером помочь мастеру Ци удерживать Хуан Аньдао: чуть позже мастер собирается вытащить из его тела злого духа и спросить, почему тот пытался убить Хуан Аньдао. Вдруг дух начнёт слишком сильно биться в теле мужа.

Хуан Голян прекрасно знал: нынешнее состояние Хуан Аньдао не имеет никакого отношения к одержимости. Внутренне он уже решил, что Ци Гу и Линь Ханьчжи — два мошенника, которые выдумывают всё ради денег. Но в последнее время, чтобы постоянно следить за состоянием Хуан Аньдао и понимать, сколько ещё можно выжать, он действительно стал чаще общаться с Суфэнь. Теперь отказывать было неудобно — иначе она могла обидеться или что-то заподозрить.

Подумав так, Хуан Голян поднялся. Его лицо покраснелось от выпивки.

— Хорошо, хорошо, пойду с вами... Аньдао сейчас такой, мне как старшему брату тоже тяжело смотреть. Если мастер Ци сможет помочь этой семье — лучше и быть не может.

Поднимаясь, он бессознательно прижал ладонь к внутреннему карману рубашки.

*

Тем временем в доме Хуан Аньдао самого Хуан Аньдао Ци Гу давно перенёс в другую комнату. Затем нашёл поблизости блуждающую душу, которую ещё не увели посланники Подземного мира, велел ей принять облик Хуан Аньдао и спокойно лечь на кровать ждать гостей.

Ци Гу впервые был режиссёром, а этот простоватый сельский призрак впервые становился актёром. К тому же Ци Гу пообещал сжечь ему бумажное золото и серебро. Человек и призрак переглянулись и оба были необычайно воодушевлены.

«Тук-тук».

В дверь дважды постучали — сигнал от Линь Ханьчжи.

Ци Гу посмотрел на блуждающую душу в облике Хуан Аньдао:

— Начинай.

Хуан Голян, едва державшийся на ногах от выпивки, вошёл в главную комнату, опираясь на Суфэнь. Затем привычно направился к комнате Хуан Аньдао, открыл дверь и шагнул внутрь — всё одним отработанным движением.

Но в ту же секунду у его уха раздался совершенно бесстрастный голос Ци Гу:

— Плохо дело! Злой дух внутри Хуан Аньдао взбунтовался! Скорее бежим!

Линь Ханьчжи немедленно подыграл:

— А-а-а-а!

К счастью, Хуан Голян был слишком пьян и не заметил до ужаса паршивой актёрской игры двух «мастеров». Мозг ещё только пытался понять смысл слов Ци Гу, но блуждающая душа не дала ему времени. Она резко села на кровати, с лицом Хуан Аньдао изобразила ужасающую злобу и без колебаний схватила Хуан Голяна за горло, оторвав от земли.

— Верни мне мою жизнь! — мрачно произнесла душа крайне классическую реплику.

Хуан Голян от внезапного потрясения мгновенно протрезвел. Ещё до того как он успел что-либо сказать, у него уже намокли штаны.

Блуждающая душа, которой облило ноги: «.....»

Режиссёр Ци... За такое придётся доплатить-а-а-а-а!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949161>